
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Reborn MorianBlood
В объятиях времени

https://litres.ru/73910673
SelfPub; 2026

Аннотация

Время беззвучно тянет нас вдаль, не давая ответов творца. Лишь я нахожусь за гранью его и никогда не увижу конца. Всё что могу так это мечтать о невозможном освобождении. Я не живой и даже не мёртвый, я то, что зовут временем. Также беззвучно, теку вместе с ним, не имея даже сомнения. Время и я, – мы одно существо, обладаем немалым терпением. Но даже оно не может помочь, вынести тягот бессмертия. Смертным нас никогда не понять, ведь они в объятиях времени.

Содержание

Ложь	5
Глава 1	16
Глава 2	32
Глава 3	57
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Reborn MorianBlood
В объятиях времени

Ложь

Давным-давно, ещё до того, как первый проблеск жизни озарил холодный вакуум, в глубинах космоса столкнулись две великие звезды. Их гибель породила взрыв невообразимой мощи, и вся высвобожденная энергия скопилась в единой пульсирующей точке. Так родилось могущественное бесформенное существо, которое в летописях времён нарекли «Высшим».

Миллиарды лет это божество путешествовало по бескрайним галактикам. Оно было одиноко в своём величии и забавлялось тем, что рассыпало искры жизни на своём пути. Однако каждый его эксперимент приносил лишь разочарование: все созданные им существа выходили слишком могущественными, слишком совершенными, слишком похожими на самого Творца. Им некуда было расти, и в их существовании не было вызова.

Тогда Высшее поставило перед собой невероятную, парадоксальную цель: «Создать самую жалкую и слабую жизнь во всей вселенной». Жизнь, которая будет цепляться за каждый вздох, жизнь, которая познает нужду и страх.

Полтора миллиарда световых лет Высшее кочевало от од-

ной звездной системы к другой, пытаясь привить свою идею на чуждых планетах, но результат оставался прежним. Тогда оно осознало свою ошибку. Нельзя подстраивать Жизнь под мир — нужно создать Мир для Жизни.

Увидев в пустоте безжизненный, обгоревший астероид — всего лишь кусок холодного камня, — Высшее наполнило его своей волей. Оно вылепило из него планету с идеальной средой обитания и капризным, изменчивым климатом, чтобы его дети никогда не пребывали в покое. Через миллионы лет те, кто поселится здесь, назовут этот дом «Землёй». И это стало началом нашего долгого пути из праха к свету.

Первыми существами, сошедшими с его ладоней, были лишь бесформенные сгустки Света и Тьмы. Высшее вначале сочло их очередным провалом, но вскоре Его внимание привлекло нечто новое: эти сущности, в отличие от прежних марионеток, обрели чувства и разнообразие форм.

Окрыленное проблеском успеха, Высшее повторило попытку, создав семерых уникальных существ — первых Прародителей. Но среди них третий сосуд стоял особняком. Он не имел постоянной формы, переливаясь всеми красками мироздания и пугающе напоминая само Высшее в миниатюре. Решив, что идеал достигнут, Творец вскоре столкнулся с горькой правдой: каждый из семерых оказался наделен вла-

стью над определенными участками материального и духовного миров. Они стали богами, а боги не могли быть "жалкой и слабой жизнью". Это огорчило Творца, но Он не оставил поисков.

Два миллиона лет пролетели в бесконечной череде экспериментов. Трудно было сосчитать количество разбитых черновиков, выброшенных в пустоту, но в конце концов Высшему улыбнулась удача. Ему удалось сплавить в единое целое всё то, что Он так страстно искал. Перед Ним стояло существо, воплотившее в себе идеальную слабость, бездонную алчность, гнусность, лень и неутолимую жадность...

Это был Человек.

Казалось, чего еще не хватает этому хрупкому венцу творения? Выживаемости и способности продолжаться без воли Бога. Чтобы проверить Свой идеал на прочность, Высшее разделило людей на два пола и поселило по тридцать пар на разных континентах молодой планеты. Так начался великий эксперимент, где боги стали зрителями, а смертные — актерами в пьесе о выживании среди собственных грехов.

Высшее Существо смотрело на своих Первенцев и не знало покоя. Уничтожить их было жалко — в каждом теплилась Его искра. Тогда оно приняло решение: запечатать семерых

Прародителей в самых темных и недоступных уголках Земли, чтобы их божественная мощь не мешала росту Его нового, слабого идеала. Присматривать за пленниками Он поручил первым двоим — Свету и Тьме.

Но Тьма, чье сердце уже тогда было полно коварства, затаила обиду. В тайне от Творца она выковала Ключ — запретное знание, способное вызволить Третьего из его заточения. Оставив свой пост, Тьма скрылась в самом ядре планеты, зная, что Высшее не посмеет последовать за ней, дабы мощь Его присутствия не расколола хрупкую колыбель жизни.

Свет же остался верен. Безропотно исполняя волю Создателя, он соткал из своей плоти исполинский сгусток энергии — Солнце, озарившее мир. Высшее же, желая уравновесить свет, создало Луну — малый астероид, напитанный остатками Тьмы, чтобы день неизменно сменялся ночью. Оставив мир под надзором Света, Творец отправился в иные галактики, к новым горизонтам созидания.

Миллионы лет люди заполняли Землю. Как и предрекало Высшее, их алчность стала их проклятием. Бесконечные войны превратили цветущую планету в пепелище, и человечество оказалось на грани полного самоистребления. Тогда Свет, видя, что Его подопечные зашли в тупик, принял воле-

вое решение. Он отобрал шестьдесят самых миролюбивых, самых чистых душ, а всех остальных — миллионы грешников — обратил в прах одним коротким мгновением ярости. Города рухнули, память о великих империях стерлась, и мир начался с чистого листа, на котором не осталось ни следа от ошибок старого поколения.

Спустя тридцать миллионов лет Свет повторял этот процесс очищения шестьдесят раз. Каждый раз, когда человечество тонуло в крови, Он оставлял лишь горстку избранных, надеясь на их исправление. Но в конце концов даже божественное терпение иссякло. Свет осознал, что люди стали зависимы от Его вмешательства: они перестали бороться со своей тьмой, уповая на то, что Творец всегда придет и „нажмет на сброс“.

Желая даровать им истинную свободу и ответственность, Свет решил уйти на покой. Но Он не оставил мир беззащитным. Перед уходом Он рассеял по всей планете частицы своей сути — особые элементы, которые позволили людям самим творить чудеса и защищать себя. Позже смертные назовут этот дар Магией.

Предвидя, что люди всё же могут однажды исчезнуть окончательно, Свет создал „Золотой Резерв“: Он запечатал тысячи людей в стазис, разделив их на группы. Согласно Его

воле, новая группа должна пробуждаться каждый раз, когда человечество окажется на грани вымирания, давая жизни еще один шанс.

Завершив свои труды, Свет разделил свою единую сущность на десять великих частей, наказав им хранить порядок в Его отсутствие. Эти существа создали свою обитель в складках реальности, скрытую от глаз смертных.

Люди прозвали их Ангелами, а их дом — Небесным Царством. Каждые пятьсот лет крылатые вестники спускались в наш мир, чтобы засвидетельствовать наши успехи. Однако, обретя собственное сознание, Ангелы со временем стали холодны и надменны. Для них, существ из чистого Света, люди стали казаться слишком ничтожными, а заветы ушедшего Высшего — лишь пыльными строчками в старых книгах. С этого момента человечество осталось один на один со своей магией и своим выбором.

Десять ангелов, ставших наследниками Света, не были едины. У каждого в сердце вызрело своё понимание красоты и порядка. Трое из них, обуреваемые жаждой совершенства, создали свою собственную расу — эльфов. Они были вылеплены по образу и подобию небожителей: прекрасные, гордые и мудрые. Лишенные крыльев, они получили острые уши как знак высшей крови и исключительного родства с эфиром.

Магия текла в их жилах так же естественно, как кровь, а долголетие делало их почти равными творцам. Но этот дар стал проклятием: люди, ослепленные завистью и страхом перед неизбежной смертью, начали совершать кровавые набеги на миролюбивые леса эльфов.

Видя это ничтожество, часть ангелов преисполнилась гневом. Они потребовали уничтожения людского рода, считая его безнадежной ошибкой. В Небесном Царстве вспыхнул бунт, расколовший небеса надвое. Мятежники потерпели поражение и, лишенные света, были низвергнуты с высот.

Тьма, вечно следившая из глубин, увидела их падение. Она открыла свои объятия, приняв изгнанников в своё черное измерение в ядре Земли. Она исказила их суть, наделила силой бездны и нарекла демонами. Её приказ был прост: манипулировать людьми, сеять среди них хаос и жажду власти, чтобы их руками вскрыть печати, удерживающие Третьего — самое опасное из высших созданий.

Падшие ангелы, ныне ставшие владыками демонов, вызвались сами сокрушить оковы своего нового бога, но Тьма лишь холодно ответила им: „Нет. Сделать это могут только люди“.

Когда демоны спросили, почему именно Третий должен

быть освобожден и какая участь ждет мир, Тьма лишь погрузилась в зловещее молчание. С тех пор мир стал полем битвы, где Ангелы защищают старую ложь, а Демоны ищут путь к еще более страшной правде.

Падшие были раздавлены своим изгнанием; лишенные света, они были обречены на вечное гниение в одиночестве, если бы не Тьма. Она спасла их, даровав дом в своих глубоких чертогах. Благодарность перевесила гордость, и бывшие небожители поклялись исполнить её волю, какой бы странной она ни казалась.

С приходом изгнанников в измерении Тьмы закипела жизнь. Пустота заполнилась причудливыми созданиями, рожденными из тени и магии. Движимые любопытством, они иногда покидали свои бездны через темные разломы, желая лишь взглянуть на внешний мир. Но люди, чей взор огрубел от алчности, встречали их мечами и огнем. Внешность пришельцев пугала их, а страх всегда рождает ненависть.

Люди пытались поработить или истребить этих существ, как когда-то поступили с эльфами. Но демоны — как их прозвали в ужасе — были неуязвимы для простого железа. Смертные нашли в этом удобное оправдание: они начали сваливать все свои пороки на «бесовское влияние», оправ-

дывая собственные гнусные поступки «одержимостью». Демоны стали для человечества олицетворением зла, идеальной ширмой для прикрытия людской гнили. Обиженные и непонятые, темные существа предпочли закрыться в своем царстве, чтобы не усугублять ненависть тех, кого они когда-то называли братьями.

Прошло два миллиона лет. Человечество, подобно саранче, заполнило каждый уголок планеты. Ресурсы таяли, и мир вновь оказался на краю пропасти. Тогда Ангелы, храня заветы Порядка, установили суровый закон: каждые пятьсот тысяч лет они спускались с небес, чтобы уничтожить ровно половину всего живого. Эта кровавая жатва была объявлена «божественным милосердием», спасающим мир от голодной смерти.

Эти циклы истребления мешали демонам вести поиски Третьего существа, но они не оставляли попыток, действуя из тени, через шепот и тайные союзы.

Спустя двадцать миллионов лет такой жизни, построенной на страхе перед небом и ненависти к бездне, мир наконец пришел к шаткому равновесию. Возникли новые расы, расцвели цивилизации, и между ними установился хрупкий мир. Это была эпоха, в которой ложь стала правдой, а истинный Хозяин этого мира — всего лишь страшной легендой,

запертой в ядре Земли.

У каждой расы была своя религия, свои алтари и свои обряды. Но в одном они были едины: все они блуждали в потемках, бесконечно далекие от истины.

Люди возвели в ранг божеств семь верховных Ангелов, видя в них карающую длань, следящую за каждым их шагом. Эльфы склоняли головы перед триединым покровительством Любви, Благочестия и Невинности. Дворфы вгрызались в недра гор с именем Колифа — творца всех руд, а зверолюди подчинялись звериному инстинкту Корра, в чьем облике слились черты всех хищников мира. Каждое существо верило в своего бога всем сердцем, не подозревая, что их вера — лишь инструмент в чужих руках.

Демоны, ведомые приказом из бездны, мастерски использовали эту слепоту. Они начали нашептывать каждой расе свои легенды. Смертным внушили, что в забытой, древней гробнице сокрыты величайшие артефакты их покровителей, способные подарить безграничную власть или спасение.

Так по всей планете расползалась эта ядовитая паутина — ложное толкование мира, не имеющее ничего общего с истиной. Из уст в уста, из века в век история искажалась всё сильнее. Время, подобно безжалостному океану.

Всё, что осталось — это слова, высеченные на стенах разрушенных храмов, и строки в запретных гримуарах. Искаженная, гнилая легенда, в которую верили миллиарды. Но какой бы лживой ни была эта история, она служила лишь одной цели, сохранившейся сквозь триллионы лет: Пробуждению.

Глава 1

Меня зовут Ланора Рекано. По меркам людей я видела слишком много, по меркам эльфов — почти ничего: мне едва перевалило за сто двадцать, и в моих венах течет смешанная кровь.

Рядом, привычно чеканя шаг, идет Нарло Дарнес. Типичный сын знатной фамилии: породистое лицо, темные волосы и гора спеси, которую не выбили даже годы скитаний. В шестнадцать он выскочил из-под родительской опеки, променяв шелка на дорожную пыль и авантюры. Дурак? Безусловно. Но этот дурак умудрился не сдохнуть и доползти до самой вершины.

Наше знакомство пахло жженой чешуей и кровью. Нарло решил, что одиночке по зубам Гарлон — ящероподобная тварь размером с деревенский амбар, которая завтракала элитными отрядами. Если бы я тогда прошла мимо, от этого мальчишки не осталось бы даже воспоминаний.

С тех пор мы — группа. Два авантюриста SSS-ранга. В королевстве Харден просто не существует силы, способной нас остановить. Именно поэтому старик-король вызвал нас лично, доверив то, с чем не справится целая армия. И знаете...

глядя на нас, я не могу не признать: мы чертовски хороши.

***

Тяжелые дубовые двери кабинета главы Гильдии захлопнулись за нашей спиной, отсекая шум общего зала. Здесь пахло старой кожей, пыльными картами и горьким хмелем. Я чувствовала, как в воздухе искрит напряжение — смесь предвкушения и того сладкого чувства превосходства, которое доступно лишь тем, кто стоит на самой вершине.

— Волнуешься? — Нарло бросил это вполголоса, стараясь казаться невозмутимым. — Все-таки не каждый день заказы прилетают прямиком из королевских покоев.

Я видела его насквозь. За этим напускным спокойствием скрывался мальчишка, который внутри уже вовсю праздновал победу и, будь его воля, пустился бы в пляс.

— Ни капли, — отозвалась я, даже не поведя ухом. Моя задача — быть скалой. Маской холодного превосходства, за которой не разглядеть ни тени сомнения.

Глава Гильдии, старый лис, как обычно, сидел вполоборота к окну. Он неспешно цедил эль, глядя на город сверху вниз. Глухой стук стакана о столешницу заставил нас по-

добраться. Его взгляд — тяжелый, как могильная плита — прошелся по нам, прежде чем он соизволил заговорить.

— Перейдем к делу, — прохрипел старик.

Он протянул Нарло помятый листок, а мне — конверт, запечатанный тяжелым сургучом с гербом короля Хардена.

— В конверте цель. На карте — координаты. Проваливайте.

Нарло не выдержал. В его глазах вспыхнул тот самый азартный блеск, который когда-то едва не довел его до пасти Гарлона.

— Почему именно мы? — спросил он, приподняв бровь. — Судя по описанию, с этим справится и сопливый новичок.

Я лишь тенью улыбнулась. Внутри роились странные предчувствия. Гробница... Просто прийти и забрать артефакт? После битв с чудовищами это казалось оскорбительно простым. Слишком точно проложен маршрут, слишком ясна цель. В нашем ремесле такая простота обычно пахнет либо большой удачей, либо очень изящной западней.

— Просто принесите побрякушку, — буркнул старик, и в

его голосе прорезалось странное, почти глупое равнодушие.
— Сделаете дело — и свободны.

— Будет исполнено в лучшем виде, сэр! — Нарло едва ли не светился.

Я видела, как в его голове уже выстраиваются логические цепочки: близость к трону, связи, влияние... Его оптимизм порой подкупал. При всей своей внешней простоте Нарло умел выжимать выгоду даже из камня. Я же была здесь по другой причине. За пятьдесят лет скитаний золото потеряло блеск, а слава стала тяжелой ношей. Я искала врага. Того, кто заставит мою кровь снова бежать по жилам. Гробница без охраны? Не смешите. Древние камни не отдают свои секреты без боя, и я всем нутром предвкушала эту встречу.

Мы вышли из Гильдии, когда город начал погружаться в сумерки. Харден жил своей обычной, душной жизнью: работяги спешили к очагам, бродяги сбивались в стаи, а в подворотнях уже начинали свои грязные дела работорговцы.

Королевство играло в дипломатию с эльфами, натянуто улыбаясь моим сородичам, и при этом втаптывало в грязь зверолюдов. Гнилое место. Впрочем, мне не было дела до их политики. Полукровка, чужая среди своих и ненавистная среди чужих — я давно нашла убежище в тишине дорог.

Я вдохнула прохладный вечерний воздух. Странное чувство, липкое и отчетливое, кольнуло в груди. Почему-то я знала: это задание станет для меня последним. И, видит небо, я надеялась найти в этой гробнице не только артефакт, но и покой.

Мы не стали ждать рассвета. Закупив провизию, покинули Харден под покровом ночи. Лошади мерно цокали по тракту, унося нас прочь от городских стен. До цели — четыреста километров. Если не загонять коней, через пять-шесть дней будем на месте.

Тишину ночного пути прервал Нарло. Он ехал впереди, покачиваясь в седле с видом человека, у которого весь мир в кармане.

— Слушай, Ланора, на что спустишь свою долю? Пятьсот золотых на дороге не валяются.

Задание еще не началось, а он уже мысленно пересчитывал монеты. Святая наивность.

— Сначала нужно доехать и вернуться живыми, — я позволила себе слабую улыбку, глядя на его затылок. — А шкуру неубитого медведя делить — плохая примета.

— Ну а всё же? — не унимался он. — Лично я присмотрел домик в Лортене. Куплю его и докажу отцу, что в этой жизни можно крепко стоять на ногах и без дворянского титула.

Я кивнула, глядя в темноту между деревьями. Для него этот путь был лестницей вверх, к новой жизни. Для меня же он всё отчетливее напоминал финишную прямую.

Спустя час мы свернули с тракта и разбили лагерь. Пламя костра едва успело лизнуть сухие ветки, а котелок — согреться, как привычный шум леса изменился. Едва уловимый хруст, тень, скользнувшая чуть быстрее, чем качнется ветка от ветра.

Я медленно положила руку на рукоять оружия, не меняя позы.

— Нарло, — произнесла я почти шепотом, не глядя на напарника. — Кажется, у нас гости. И они не собираются просить огня.

Нарло среагировал мгновенно. Мы почувствовали "хвост" еще у ворот Хардена, но дали им повод поверить в нашу беспечность. Охотник всегда должен казаться добычей, пока не придет время рвать глотку.

Когда тени вокруг костра обрели плоть, я щелкнула пальцами. Эфир дрогнул, создавая каскад моих иллюзорных копий. Пока нападавшие впустую дырявили воздух сталью, мы уже скользнули вверх, скрывшись в густой кроне старого дуба. Нарло работал чисто: три молниеносных выпада сверху — и трое замертво рухнули в траву. Я же спрыгнула вниз, на лету сплетая из магической энергии стальные нити. Секунда — и невидимая сеть стянулась, превращая нападавших в неподвижные куклы.

Вскоре в лесу воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском костра. Нарло вышел из темноты, волоча за собой последнего выжившего. Коротким и точным движением он пригвоздил плечо пленника кинжалом к стволу дерева. Лес огласил крик, полный боли и ярости.

— Кто заказчик? — голос Нарло был сухим, как осенний лист.

Пленник лишь сплюнул кровь, его взгляд горел фанатичным огнем. Нарло обернулся ко мне:

— Ланора, твой черед. Загляни ему в черепушку.

Я коснулась пальцами его висков. Сознание фанатика бы-

ло похоже на сточную канаву, забитую догмами подпольной церкви. Вспышки образов: алтари, шепот в темноте и единственная цель — уничтожить артефакт любой ценой. Для них эта карта была ключом к ереси, которую следовало стереть с лица земли.

Убивать его было не эффективно, у меня зародилась мысль куда лучше. Я медленно перетерла его воспоминания в пыль, заменяя образы нашего лагеря на пустое лесное бездорожье. Теперь ни церковь, ни те, кто придет за ними, не найдут наш след.

Следующие пять дней прошли в звенящем спокойствии. Дорога петляла, пока наконец перед нами не выросла громада, от которой захватывало дух. Гигантская гора, буквально выпотрошенная до самой середины. Срез камня был таким ровным, будто его коснулся резец титана.

Нарло задрал голову, и в его глазах отразился масштаб этого безумия.

— Невероятно... Сколько веков нужно, чтобы вскрыть гору, как консервную банку? И какой псих вообще решится на такое?!

— Говорят, четыре столетия назад горстка безумных шах-

теров услышала шепот бога, — начала я, глядя на колоссальный разлом в теле горы. — Голос обещал им великое сокровище, сокрытое в самом сердце скалы. Поколение за поколением они вгрызались в камень, тратя жизни на этот фанатичный труд. Только год назад кирка последнего из них звякнула о металл, который не берет ни одна сталь. Гробница открылась.

Нарло недоверчиво хмыкнул, рассматривая масштаб работ:

— Неизвестный металл? Откуда такие подробности?

— Я старше тебя в пятнадцать раз, мальчик, — я одарила его легкой усмешкой. — Тридцать лет назад, когда ты еще не был даже в планах своего отца, эти истории гремели в каждом трактире. Потом интерес угас… пока старый король не вспомнил о них.

Нарло, подстегиваемый любопытством и своим вечным азартом, рванул вперед. Его юношеский пыл не знал границ: он бежал по склону, перепрыгивая через валуны, полный уверенности, что будет первым. Я лишь покачала головой. Беги-беги.

Едва он скрылся за поворотом тропы, я закрыла глаза.

Мир на мгновение сжался до точки, а затем расширился вновь. Пространство послушно пропустило меня сквозь себя.

Когда запыхавшийся, раскрасневшийся Нарло наконец добежал до врат, я уже несколько минут стояла там, сложив руки на груди и наслаждаясь тишиной. Вид его вытянувшегося лица и обиженного взора стоил потраченной маны. Тяжело дыша, он повалился на камни прямо у входа.

— Нечестно... — выдохнул он.

Я не ответила, все мое внимание было приковано к вратам. Они были вырезаны из монолита антрацитового цвета. Гладкий, холодный камень, лишенный малейшего изъяна — ни трещины, ни скола за сотни лет. Он казался не реальным, словно сама материя здесь была застывшим заклятием.

Нарло, немного придя в себя, решил проверить преграду на прочность. Одним слитным движением он выхватил кинжал и с силой метнул его в створку. Раздался звонкий, неприятный звук. Закаленная сталь отскочила от черной поверхности, как от магического щита, не оставив на нем даже едва заметной риски.

— SSS-ранг, — пробормотала я, касаясь пальцами ледя-

ной поверхности. — Кажется, разминка закончилась. Здесь начинаются настоящие проблемы.

— Невероятно, — пробормотал Нарло, подбирая кинжал. — Материал не просто прочный, он будто «ест» магию.

— Похоже на то. Когда я зачаровывала твой клинок, я вложила в него плетение высшего порядка. В момент удара оно просто испарилось, — я нахмурилась, чувствуя, как внутри нарастает холодное предчувствие. — Посмотри на эти стены. Ни единого шва, ни малейшего зазора. Гробницу не строили, её словно вырастили.

Мы переступили порог, и тишина внутри оказалась почти осязаемой — тяжелой, давящей на барабанные перепонки. Длинный коридор вывел нас в центральный зал. В самом сердце комнаты, под сводами, которые тонули во мраке, стоял саркофаг. Монолит из того же черного, пугающего камня.

Нарло, верный своей привычке решать проблемы силой, попытался сдвинуть крышку. Он упирался, рычал от напряжения, но саркофаг оставался недвижимым, словно часть земной коры. В конце концов парень сдался и, тяжело дыша, улегся прямо на крышку гроба, раздраженно изучая потолок.

Я же медленно обходила артефакт, пока не замерла. В од-

ном месте, почти незаметная глазу, темнела тончайшая волосяная щель. Из неё едва уловимой дымкой сочилась тинергика — первородная энергия, которой здесь быть не должно. Странный изъян для совершенного творения.

— Нарло, поднимай свой зад, — скомандовала я. — Вдарь тинергикой по этой трещине. Со всей силы.

— Зачем? — он озадаченно приподнял бровь, не спеша вставать.

— Просто сделай это. Доверься моему чутью.

Он вздохнул, поднялся и сосредоточился. Воздух вокруг его ладони задрожал, сгущаясь в клинок из чистой теневой энергии. Нарло сделал мощный замах и обрушил всю свою мощь на едва заметный излом камня.

Раздался не звон, а оглушительный гул, будто гора сама закричала от боли. Взрывная волна швырнула нас в разные стороны, выбивая воздух из легких. От саркофага откололся крошечный, размером с ноготь, осколок.

И в то же мгновение мир исчез. Нас поглотила абсолютная, густая тьма. Факелы в настенных кольцах всё еще горели — я видела их фитили, — но их свет больше не мог про-

бить эту бездну. Он просто умирал в паре сантиметров от огня, оставляя нас в непроглядном ничто.

— Что за чёрт?! — голос Нарло сорвался на хрип в этой вязкой темноте.

— Не знаю... — выдохнула я, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом.

В центре зала возник звук. Это был не шепот и не крик, а странный, искаженный хор сотен голосов, сливающихся в единую, непостижимую речь. От этих звуков кости вибрировали, а рассудок отказывался верить в происходящее. Внезапно мрак отступил, словно его втянуло в воронку, и перед нами предстало нечто необъятное. Сгусток чистой, первородной тьмы пульсировал, меняя форму, пока не начал кристаллизоваться в нечто человекоподобное.

Через мгновение перед нами замерло существо в облике шестнадцатилетней девушки. Её красота была за гранью возможного: белоснежная кожа, длинные, вьющиеся волосы цвета запекшейся крови, парящие в воздухе вопреки законам физики. Но страшнее всего были глаза — небесно-голубые, с вытянутым, багровым зрачком, в котором мерцала бездна. Это не был человек. У существа не было пола, не было души — лишь идеальная, пугающая оболочка.

Нарло, чьи инстинкты воина сработали быстрее разума, с яростным криком бросился в атаку. Я не успела даже открыть рот, чтобы остановить его.

В следующую секунду время для меня замедлилось. Существо даже не шевельнулось. Нарло просто... перестал существовать. Там, где мгновение назад был мой напарник, сильнейший воин королевства, теперь шел кровавый дождь. Его тело распалось на мириады фрагментов, не оставив после себя ничего, кроме красной дымки.

Взгляд существа переместился на меня. Я не успела моргнуть, как оно оказалось вплотную, глядя мне прямо в глаза.

В отчаянии я выплеснула всю ману, что копила годами. Десятки копий всех стихий, сплетенные в единый разрушительный вихрь, ударили в цель. Я преобразовала чистую энергию в святой элемент — единственное, что должно было выжечь тьму — и сомкнула его на шее существа. Ослепительная вспышка должна была разнести гору в щепки.

Но когда свет погас, я осознала: всё было напрасно. Магия стихий, древние заклятия, святое пламя — всё это просто впиталось в её кожу, не оставив даже следа. Существо было не просто неуязвимо. Оно было выше самой магии.

В отчаянии я решилась на запретное. Собрав остатки воли, я скользнула в пространство и возникла за спиной существа. Мои руки дрожали, когда я начала преобразовывать саму нить своей жизни в антидерру — первородное „ничто“. Четыреста лет назад эта магия была стерта из хроник, потому что она не просто убивает — она вырезает кусок реальности. Я чувствовала, как заклинание выжигает мою душу, превращая плоть в пепел ради одного-единственного удара.

Сфера антидерры коснулась спины существа... и просто растаяла. Идеально исполненное заклинание, стоившее мне половины жизни, не оставило на этой безупречной коже даже царапины.

Мир вокруг монстра начал трещать. Реальность расходилась по швам, открывая взору бездну, от которой веяло вечным холодом. В этот миг я поняла: мой конец пришел. Но почему вместо долгожданного умиротворения я чувствовала лишь липкий, парализующий ужас? Почему я так остро вцепилась в жизнь, от которой устала?

Я вспомнила сестру. Вспомнила всё, от чего отреклась ради этого момента. Страх заставил меня снова потянуться к телепортации, но мана замерзла в жилах. Кровавый ком сдавил горло, легкие горели, а тело то проваливалось в ледяную

воду, то плавилось в огне.

Существо медленно повернулось. Без малейшего усилия оно вжало меня в каменную стену, и я услышала, как хрустят мои кости. Тонкие, изящные пальцы вошли в мою грудную клетку, словно в мягкую глину. Я не успела закричать, когда оно вырвало моё сердце.

Сущность замерла, рассматривая пульсирующий комок плоти с холодным, почти научным любопытством. Оно медленно слизнуло кровь с ладони, пробуя её на вкус, и на его лице расцвела улыбка — пустая и жуткая. Ему понравилось.

Резкий взмах руки — и мир перевернулся.

Из-за замедленного восприятия мои последние секунды растянулись в вечность. Я отчетливо видела сверху, как мое обезглавленное тело оседает на пол. Видела, как чудовище равнодушно разворачивается, латает дыру в реальности одним жестом и направляется к выходу из гробницы.

А затем наступил холод. Глубочайшая, абсолютная тьма, пронизывающая до самого основания души.

Мой путь... закончен

Глава 2

Почему он не уничтожил меня? Почему не распылил на атомы, как миллионы других, а запер в этой удушающей тишине?

Уже шестьдесят миллионов лет я скитаюсь в этой пустоте. Шестьдесят миллионов лет попыток понять мотивы Того, кто меня сотворил. Время здесь — застывшая смола, но я веду счет каждой секунде.

Двадцать семь часов и три минуты назад любимчики создателя — копошащиеся в пыли люди — завершили свою многовековую работу. Четыреста пятьдесят семь лет они вгрызались в камень, сменив девять поколений. Они спешили навстречу собственной гибели, свято веря в божественный шепот, не подозревая, что их единственная цель — разбить печать и выпустить в мир сосуд того, кто способен превратить этот мир в ничто.

Я знаю, что будет дальше. До секунды. Через семь дней, три часа и пятьдесят девять минут порог переступят двое.

Один из них — человек, чья слепая жажда величия станет ключом к моим вратам. Вторая — та самая женщина,

чье происхождение остается для меня загадкой. Я прокручивал этот момент в своей памяти триста шестьдесят пять раз. Триста шестьдесят пять циклов бесконечного дежавю. Разве может вечность состоять из такой изматывающей рутины? Иногда мне кажется, что забвение было бы милосердием. Если бы шахтеры промахнулись... если бы гора обрушилась раньше...

Но я здесь. Я — весы, вынужденные поддерживать баланс. Я должен ловить тот краткий миг, когда Его мощь можно сдержать, не дав ей выплеснуться наружу. Чтобы создать Реликт, Ему нужно спуститься в реальность, но Он слишком велик для этого хрупкого измерения.

Всё было бы намного проще, если бы Он никогда не сотворил меня

Вспышка. Я чувствую их присутствие — они пересекли незримую черту. Они уже здесь.

Мой разум лихорадочно просчитывает варианты. Если я сумею удержать крохи сознания, если не дам своей энергии выгореть до последнего атома... может быть, в этот раз всё закончится иначе? Я знаю, что риск безумен. Я не могу контролировать время вечно — я лишь перематываю этот проклятый миг, не давая Ему окончательно прорваться в реаль-

ность. Но выбора нет. Я — единственная преграда между этим миром и концом всего.

В этот же миг человек — вскидывает клинок. Меч из теневой энергии устремляется в стремительном выпаде. Обычно в это мгновение я просто обрушиваю реальность, отматывая события на тысячу лет назад, в безопасную пустоту. Но не сегодня. Миллионы лет практики, миллиарды секунд ожидания вели меня к этой точке. Сегодня я попробую сдержать Его силу в себе, не прибегая к петле времени.

И тут мой разум раскалывается.

— Ты и вправду думал, что сможешь сдержать меня, глупец?

Голос. Холодный, как межзвездная пустота, и пропитанный таким запредельным высокомерием, что мои чувства на мгновение гаснут. Он гремит в моем сознании, отражаясь от стенок черепа ледяным эхом.

— Это и вправду забавно... — голос Творца звучит почти ласково, и в этой ласке больше ужаса, чем в любом крике. — Подумать только, мой сосуд обрел зачатки сознания. Ты возомнил, что твои жалкие попытки меня остановить имеют хоть какой-то смысл? Я просто с любопытством наблюдал за

твоей возней, как смотрят на танец пылинок в луче света.

Я замираю, чувствуя, как реальность вокруг начинает плавиться.

— Отматывая время, ты думал, что сдерживаешь меня? — Его смех звучит как скрежет сталкивающихся планет. — Ты правда настолько жалок и глуп? Ты не сдерживал меня. Ты просто продлевал моё развлечение.

Давление Его воли было невыносимым. Каждое слово впивалось в мое сознание, как раскаленный клинок, дробя мысли и превращая память в прах.

— Тринадцать миллиардов лет... — Его голос теперь звучал повсюду, поглощая само мое существо. — Тринадцать миллиардов лет ты забавлял меня своими никчемными попытками. Довольно неплохо для инструмента. Но теперь... исчезни, мой маленький бунтарь.

Я почувствовал, как всё, что я называл собой — мои страхи, мои шестьдесят миллионов лет одиночества, мои надежды, — просто растворилось. Меня не вытеснили. Меня стерли, как случайную кляксу на полях бесконечной рукописи.

— Ого, что у нас тут? — произнес Я, пробуя на вкус новый

голос.

Удивление было искренним. Я смотрел на мир глазами своего сосуда, и передо мной замерли нежданные гости.

— Человечишка и эльфийка... Как много перемен в этой временной линии. Не думал, что эти расы найдут общий язык.

Тело пока плохо слушалось — оно было слишком тесным, слишком хрупким для моей истинной сути. Чтобы не разорвать эту туманную оболочку раньше времени, я заставил её принять прежний облик.

— Давненько я не наблюдал за этим миром, — Я улыбнулся, глядя на застывших в ужасе смертных.

Мой голос прозвучал мелодично, но в нем не было жизни. Впрочем, они меня не понимали. Я видел в их глазах лишь непонимание и первобытный страх.

На что я надеялся? За столько лет я видел тысячи вселенных, и в каждой способы общения менялись, как формы облаков. Сейчас я был слеп — информация об этом мире еще не загрузилась в мой разум, я не знал их языка, их законов, их надуманных за эти годы богов. Для них я был лишь кош-

маром, вышедшим из черного камня.

Человечишка поднимается на ноги. Судя по его лицу, мой новый облик больше не внушает ему того парализующего ужаса. Но зачем он снова тянется к этой темной железке?

Ах, люди... за миллионы лет ничего не изменилось. Глупцы. Любое непонятное явление они пытаются проткнуть мечом, надеясь, что мир снова станет простым. Что ж, раз он так настойчив, я использую его, чтобы испытать этот сосуд. Для начала — остановлю вторичное время.

Едва я успел облечь волю в мысль, как реальность послушно застыла. Пылинки повисли в воздухе, пламя факелов превратилось в неподвижное стекло. Получилось. Я начинаю привыкать к своему физическому воплощению, хотя какое-то время придётся довольствоваться лишь малой частью моих сил. Пока что я могу управлять только вторичной чертой манипуляций, правда для смертных даже эта черта непостижима.

Теперь стоит проверить, смогу ли я сдерживать силу.

Я плавно подплыл к застывшему воину. Он замер в нелепом выпаде, его лицо исказила гримаса ярости, которая теперь казалась мне просто забавной маской. Я легонько, едва

коснувшись, щелкнул его пальцем по плечу.

Гулкий звук, вспышка — и человека просто разорвало. Он оказался настолько хрупким, что его существо не выдержало даже этого прикосновения, превратившись в кровавое облако. Печально. Я ведь искренне надеялся изучить, как изменились их внутренности и костная структура за прошедшие эпохи. Похоже, эволюция сделала их только мягче.

Ладно, у меня осталась вторая. Я подошел к ней вплотную и позволил времени снова течь.

Она выглядит куда разумнее своего спутника. Белые волосы, алые глаза, острые кончики ушей... Помнится, когда я создавал их, уши были короче. Выходит, за миллиарды лет в этом мире хоть что-то изменилось. Эльфийка действительно выглядит так, как её описывают в других вселенных, где других рас, кроме людей и в помине не существует. Это подтверждает, что братец своими действиями, зашёл слишком далеко.

„Неужели и ты, заразившись глупостью своего спутника, ничему не научилась?“ — мелькнула насмешливая мысль.

Признаться, я бы и сам не отказался изведать ту сладость, что вы зовете смертью, но ваши жалкие потуги не способны

оставить на мне даже тени следа. В вашем крошечном мире эти заклинания могут считаться вершиной мастерства, но для меня они — лишь шум ветра.

Внезапно она заставила меня присмотреться. Девочка объединила остатки мегистов со своей жизненной силой, пытаясь дотянуться до антиматерии. Удивительно: в этом хрупком теле нашлось достаточно искры, чтобы коснуться первозданного Хаоса. Будь на моем месте мои братья или сестры, этот удар мог бы их задеть, заставив потратить мгновение на регенерацию. Но я — иное. Антиматерия просто прошла сквозь меня, не оставив и пятнышка.

Это было достойно, эльфийка. Ты сумела меня удивить. Но этого удивления не хватило, чтобы мой интерес к твоей личности стал больше, чем интерес к твоим внутренностям.

Я вонзил пальцы в её грудь и вырвал сердце. Оно еще билось, выталкивая жизнь, пока я изучал его структуру. Физиология эльфов оказалась предсказуемой: клетки почти идентичны человеческим, но их потенциал к регенерации и долголетию выше в десятки раз. Совсем дитя... По меркам своего вида она едва научилась дышать.

Я слизнул кровь с ладони. Сладкая, чистая, лишенная скверны. Редкий вкус непорочности.

Я решил приберечь её тело — такая заготовка может пригодиться в будущем. Но сознание смертных — штука упрямая; чтобы позже не возникло проблем с воскрешением, я должен был вколотить в её разум абсолютный факт смерти. Легким движением руки я отделил её голову от плеч, одновременно транслируя в её угасающий мозг иллюзию моего ухода. Пусть верит, что я покинул этот зал.

Затем я просто поглотил её физическую оболочку, спрятав её в складках своего измерения. Последним жестом я восстановил ход времени и небрежно заштопал дыру в реальности, которую она пробила своим последним заклинанием. Мир снова стал целым. Но для них он закончился навсегда.

Мое внимание привлекла стопка бумаг, выпавшая из вещей эльфийки. Хм, дневник? Кажется, люди называют так свои попытки задокументировать каждый бесполезный день, проведенный в мире. Какая трогательная глупость — записывать каждую мелочь в надежде, что чернила сделают их эфемерное существование значимым. Тщетная попытка смертного разума нащупать смысл в безжалостном потоке времени.

Я оставил записи и направился в коридор. Там, среди мер-

цающих всполохов Темной и Светлой энергии, возвышался дерлаксовый голем. Когда-то я создал его, почти не стараясь — просто смешал груду дерлакса и пропитал её мегистами. В его каменных руках покоилась моя Коса — артефакт, который я доверил ему охранять, перед тем как запечатать свой сосуд.

— Тебе следует вернуться назад! — проскрежетал он, заступая мне путь. Голос голема напоминал звук перемалываемых валунов.

— Давненько не виделись, старый слуга. Вижу, ты неплохо присмотрел за моей косой. Теперь верни её законному владельцу, — я спокойно протянул руку.

Голем задрожал. Камень его тела вибрировал от первобытного ужаса.

— Неужели ты вернулся?.. Но почему? — прохрипел он. — Высший говорил, что ты навечно заперт поддерживать баланс временных линий!

— Высший? — я на мгновение замер. — Что за бред?..

Осознание ударило холодным потоком. Я невольно рассмеялся, и этот смех эхом разнесся по сводам гробницы.

— О, это действительно уморительно! Похоже, мой дорогой братец решил переписать сознание смертных. Выходит, Корн освободился? Как предсказуемо. Наверняка демоны приложили к этому свои руки.

— Так его прозвали люди, его „идеальные создания“, перед его уходом... — голем говорил искренне. В его словах не было лжи, только глубоко укоренившееся убеждение.

Значит, Корн всё-таки влез в их разум. Мой недалёкий братец всегда любил придумывать сказки.

— И с каких это пор люди стали „идеальными“? — я не смог сдержать ироничной усмешки. — Насколько я помню, мы с Кроналем потратили немало сил, делая их несовершенными. В изъянах вся суть: за сломанными игрушками наблюдать куда интереснее.

— Тогда... почему ты здесь? — голем попытался преградить мне путь, но его движения казались мне бесконечно медленными.

— А почему бы мне здесь не быть? Впрочем, какой смысл с тобой спорить. Твоя память — лишь черновик, на котором Корн нацарапал свои фантазии.

Я просто пошел на него, не утруждая себя лишними словами. Голем замахнулся, но я даже не замедлил шаг. Перехватив свою Косу, я легким щелчком пальцев осыпал его каменную броню, словно высохшую грязь. На лету поймав один из острых осколков дерлакса, я коротким кистевым броском вогнал его точно в пульсирующее ядро. С глухим стоном махина рассыпалась прахом.

Корн в своем репертуаре. За миллиарды лет его зависть не угасла, она лишь приобрела новые формы. Он так отчаянно пытается задеть меня, что готов тратить вечность на мелкие пакости. Что ж, пусть развлекается, пока я позволяю.

Я вернулся в зал, поднял сумку эльфийки и направился к выходу.

Снаружи меня встретил густой, бесконечный лес, раскинувшийся до самого горизонта. Тяжелый запах прелой листвы и свободы. Порывшись в вещах девчонки, я выудил дневник и кошель с золотом. Монеты полетели в кусты вместе с сумкой — презренный металл не имел ценности для меня. А вот дневник... дневник был бесценен. Лучший источник знаний о том, во что превратился этот мир.

Чтобы не смущать местных своим нагим видом, я мате-

риализовал одежду, выудив из памяти образ, который приглянулся мне в одной из далеких вселенных. Темные ткани, строгий крой — удобно и незаметно.

Спустившись с горы, я вышел на пыльный тракт и неспешно побрел вперед, на ходу вчитываясь в неровные строки эльфийской рукописи. Пришло время узнать, как низко пал этот мир в мое отсутствие

Я шел по тракту, переворачивая пожелтевшие страницы. Почерк у эльфийки был ровным, почти каллиграфическим — признак дисциплинированного ума, который пытается навести порядок в хаосе бытия.

Первый месяц, пятый день. Шесть часов, сорок пять минут.

Седьмые сутки в этой проклятой глуши наконец принесли результат. Зарлок близко. Его след — рваная траншея длиной в семь метров и шириной в три — уходит на северо-запад, прямо в пасть Леса Великанов. Там, среди вековых стволов, которые помнят еще первые циклы очищения, он устроил себе логово. Недельные следы и клочья жестких, как сталь, перьев, найденные неподалеку, не оставляют сомнений: мы на верном пути.

Нарло вернулся с разведки. Его лицо бледнее обычного. На тушах растерзанных животных он обнаружил характерные отметины — глубокие, обугленные борозды от когтей. Зарлок игнорирует мелкую дичь вроде корилантов; он ищет нечто покрупнее, нечто, чья энергия сможет насытить его жажду. Судя по объему пиршества, сейчас тварь должна погрузиться в глубокий, тяжелый сон.

Это наш единственный шанс. Его камуфляж — насмешка над зрением смертных: несмотря на колоссальные размеры, в лесу он становится лишь тенью среди теней. Проникновение в логово — безумие, но это единственная стратегия, дающая надежду на успех.

Через час солнце скроется, и мы выступим. Ночь — наш союзник; зрение Зарлока слабеет во тьме, но его слух... он слышит, как бьются сердца в километре от него. Придется выжать всё из заклинания «Тихой поступи». Нам нужен один шанс. Один удар в затылок — единственное место, где его броня из мегистов дает трещину. Если промахнемся — пополним коллекцию гниющих туш в его логове.

Первый месяц, пятый день. Семь часов, пятьдесят три минуты.

Логово обнаружено. Времени прошло достаточно: мета-

болизм Зарлока замедлился, он погрузился в тот самый тяжелый сон, который бывает лишь у сытых хищников. Пока пещера пустовала, мы подготовили почву. Прямой удар ледяного копья, усиленный руной стазиса у лежанки, должен был выбить его из реальности.

Нарло и я активировали «Тихую поступь». Звуки шагов растворились в вязком воздухе пещеры.

Зарлок предстал перед нами во всем своем уродливом величии: чешуйчатые лапы, серая бронированная шкура, испещренная застарелыми шрамами. Его клюв поблескивал в полумраке, словно вороненая сталь, а перья на шее топорщились острыми лезвиями. Это был он — наш трофей, наша цель.

Мы зашли со спины. Я начала плести структуру: смешала морфил и гангру, стабилизировала массу электрическим разрядом. Копье пульсировало в руках, жаждя крови. Нарло занял позицию у головы — если тварь проснется раньше времени, он должен был стать щитом.

Три. Два. Один.

Копье с глухим звуком вошло в затылок, завязнув в стальных перьях. Зарлок взревел. Он вскочил мгновенно, его ха-

отичные метания едва не обрушили свод пещеры. Нарло не дрогнул — он призвал «Губителя», и тяжелые удары клинка начали кромсать воздух, удерживая внимание монстра.

Я телепортировалась. Прямо на хребет, в эпицентр его ярости. Коснувшись чешуи, я активировала истощение, чувствуя, как его жизненная сила обжигает ладони. Другой рукой я материализовала каскад копий, вбивая их в ту же рану на затылке. Зарлок дернулся, пытаясь сбросить меня, но инерция толкнула его прямо в ловушку.

Руна сработала. Ледяной шип вспорол его брюхо, стазис мгновенно сковал конечности хрустальными оковами. Финальный аккорд: нить из чистого морфила, заряженная на рассечение, спружинила в воздухе. Секунда — и голова Зарлока тяжело рухнула на камни.

Я собрала несколько перьев — доказательство чистоты заказа. Нарло подхватил массивную голову. Короткий жест, вспышка портала, и холод пещеры сменился предвкушением награды в Хардене.

Значит, она владела пространственным перемещением? Смертные продвинулись в изучении вторичного контроля Системы гораздо дальше, чем я предполагал. А вот этот «Зарлок» не давал мне покоя. Не помню, чтобы мы заклады-

вали подобный генетический код. Неужели жизнь сама начала лепить новые формы в обход наших чертежей?

Мои размышления прервал треск веток. Из кустов, словно крысы из щелей, высыпали семеро. В руках они сжимали куски заостренного железа. Мечи настолько примитивной формы, что кузнецу, создавшему их, стоило бы провести вечность в муках, осознавая свое ничтожество.

— Эй, деточка, заблудилась? — один из них, осклабившись, шагнул вперед. — Неплохой кларнировый плащ. Видимо, твои богатенькие родители не пожалели средств на твой наряд.

— И сапожки ничего, — поддакнул другой, алчно прищурившись. — На рынке за такие отвалят добрых двадцать серебряков.

Серебряки? Мой разум сопоставил факты. Похоже, это местный эквивалент ценности, завязанный на блестящем металле. В деле обуви похоже он имеет вес, раз смог оценить их ценность. В двухсотой миллиардной вселенной они были довольно популярны, готический стиль на высокой подошве.

Я столько раз наблюдал подобные сцены со стороны, но никогда не был их участником. Это... любопытно. К тому же,

первая попытка изучить человеческие внутренности провалилась из-за моей неосторожности с тем человеком. Здесь же у меня семь новых образцов. Какое везение.

— Перед тем как я вас убью, — начал я, стараясь придать голосу максимально искренний тон, — не подскажете ли, королевство Харден в той стороне?

Я даже не назвал их червями, хотя это слово вертелось на языке. Странно, что люди используют названия насекомых как оскорбление. Мне нравятся черви, насекомые, все животные. Я создавал их с огромным удовольствием, вкладывая всю свою креативность в каждый сегмент их тел. Называть этих примитивных существ червями — значит наносить глубокое оскорбление самим червям.

Разбойники переглянулись и расхохотались, принимая мою вежливость за безумие.

— Жалкие... черви, чего молчите? — я вздохнул.

Придется использовать их лексикон, раз они так настаивают на оскорблениях. Хотя, произнося это, я наказывал в первую очередь себя.

— Слышали, парни? Мелкая спрашивает дорогу в Хар-

ден! Ха-ха!

— И грозится нас пришибить! Ну и соплячка, — разбойники буквально заходились в хохоте, вытирая слезы грязными кулаками.

— Не скажете? Что ж, тогда у меня не остается выбора. Придется вас убить, — я решил немного подыграть их спектаклю.

Мне всегда претил этот тип смертных — «бандиты», кажется, так они себя величают. Самая примитивная форма паразитизма.

— Деточка, разве родители не учили, что со старшими нужно говорить с почтением? — один из них, приземистый и потный, облизнулся, делая шаг ко мне. — Мы преподадим тебе пару уроков.

Забавно. Они искренне верят, что перед ними беззащитный ребенок. Моя внешность действительно обманчива, но я не в силах изменить облик этого сосуда — он послушно копирует черты моего истинного существа. Будь я в своём истинном облике, то вероятно выглядел бы также.: хрупким, изящным и бесконечно далеким от их понимания возраста.

— А она, знаешь, весьма недурна, — подал голос другой, оглядывая меня липким взглядом. — Может, поразвлечемся сначала, а потом сдадим Хозяину? Заработаем и золотишком, и удовольствием.

— Брось, ей на вид не больше тринадцати, — вмешался третий, сплюнув под ноги. — Слишком костлявая. Но идея с Хозяином хороша: говорят, за таких редких куколок он отваливает по двадцать золотых.

«Серебряки», «золотишко»... Значит, речь всё же о деньгах. Какая предсказуемая, линейная мотивация. Впрочем, чего еще ожидать от существ, чей кругозор ограничен их следующим обедом?

Но мысль о «развлечении» не отпускала и меня. Только мое понимание этого слова вряд ли бы им понравилось. Мои пальцы непроизвольно дернулись — жажда изучить их внутренности стала почти невыносимой. Семь подопытных. Семь шансов понять, как глубоко зашла деградация этого вида.

— Тебя не привлекают, а мне — в самый раз, — прохрипел один из них, сокращая дистанцию. От него несло перегаром и гнилью, а изо рта тянулась вязкая нить слюны. Мерзость.

Я не стал дожидаться, пока его нечистые руки коснутся моей одежды. В одно мимолетное движение я вырвал его конечность из плечевого сустава и ею же, как дубиной, снес ему голову. Наблюдать за тем, как ярко-алая струя окропляет палую листву, было почти эстетично — лес наконец-то приобрел насыщенный, живой окрас. Безголовое туловище еще несколько секунд нелепо подергивалось, прежде чем рухнуть в грязь, а голова лениво докатилась до ног его товарища.

— Что ж, я принимаю вызов. Начнем наше развлечение? — я перевел взгляд на самого крупного из них. — Пожалуй, ты следующий.

— Что за хрень?! — вырвалось у него. Это были его последние слова.

Секунда — и в моей руке забилось его сердце. Я изучил его с легким разочарованием. Миллионы лет эволюции, а этот насос остался таким же примитивным, как и у эльфов. Никакого прогресса, сплошная стагнация.

Остальные застыли, парализованные ужасом. Лишь один, ведомый безумием обреченного, бросился вперед и вогнал кинжал мне в грудь. На его лице расцвела ехидная, торжествующая ухмылка.

— Вот тебе и пизда, сука! — выплюнул он.

О, эта небрежная грубость... Похоже, вульгарность — это константа во всех вселенных. Я даже не поморщился. Пробив его грудную клетку ладонью, я выкачал всю его кровь до последней капли, свернув её в идеально ровный, пульсирующий шар над своей рукой. Осушенная кожа обтянула кости, и труп мешком повалился наземь.

Крики оставшихся переросли в ультразвук. Они бросились врассыпную, надеясь на спасение в чаще леса. Глупцы. Я выделил из кровавого шара восемь капель и щелчком отправил их вслед беглецам. Капли прошили их ноги быстрее стрел. Четверо рухнули на землю, захлебываясь воплями.

Я медленно подошел к ближайшему и, зачерпнув пальцем немного крови из шара, попробовал её на вкус. Сразу же захотелось сплюнуть.

— Какая мерзость, — я брезгливо поморщился. — Ваша кровь пропитана дешевыми наркотиками и табачным ядом. К тому же, отсутствие чистоты... вы не девственники, и этот порочный след окончательно губит вкус субстанции. Никакого изящества даже в вашей гибели.

— Пощады! Прости нас, госпожа, молим! — один из них

буквально вгрызался зубами в землю, пытаясь отползти.

— Видимо, теперь ваша коммуникабельность резко возросла, — я склонил голову набок. — Ну же, где находится королевство Харден?

— На юго-востоке... всего три километра по тракту... только не убивай! — прохрипел он, захлебываясь слюной.

— Благодарю, — я позволил себе холодную полуулыбку. — Хотя я и так это знал. Мои чувства всё еще приспосабливаются к этому телу, но я уже ощущаю, как в том направлении сгущаются нити судьбы. В Хардене скоро случится нечто... забавное.

— Ты... ты ведь отпустишь нас? — заскулил второй, глядя на свои пробитые ноги.

Я искренне рассмеялся.

— Сначала вы нападаете, угрожаете мне мерзостями, которые ваш скудный мозг считает «развлечением», а теперь просите милости? Люди... вы не меняетесь. Вы уморительны в своем лицемерии. Кстати, — я перелистнул страницу дневника, — здесь упоминается Люгерия на востоке. У них действительно такая странная религиозная культура, отвер-

гающая естественные принципы размножения?

— Мы не знаем! — взвыл бандит. — Мы там в розыске! Пожалуйста, я сделаю всё, что прикажешь, только сохрани жизнь!

— Если всё, что написала эльфийка — правда, то Люгерия станет прекрасным подарком для моей сестры. Она всегда любила коллекционировать девиантные сообщества, — я посмотрел на пульсирующий шар крови в своей руке. — Что ж, раз вы готовы на всё... Как насчет того, чтобы разделить трапезу с вашим покойным другом? Его кровь была отвратительна на мой вкус, но, возможно, вам она понравится больше.

Одним жестом я разделил сферу на четыре потока и вогнал их прямо в глотки выживших. Они не успели даже вскрикнуть. Давление было избыточным: их тела мгновенно раздулись, не выдерживая плотности чужой маны, и в следующую секунду разорвались, превратив дорогу в кровавое месиво. От тех, кто некогда называл себя людьми, остались лишь ошметки плоти, украсившие придорожные кусты.

Я спокойно потянулся к рукояти клинка, всё еще торчащего в моей груди. С тихим скрежетом я вытащил дешевую сталь и брезгливо бросил её в дорожную пыль. Рана на моем

теле затянулась прежде, чем нож коснулся земли.

Приведя одежду в порядок, я неспешно зашагал в сторону Хардена.

Цикл 1

Глава 3

Карзен нахмурился, и эта гримаса прорезала его лицо глубокими морщинами. Доклад подчиненного оставлял неприятный осадок, но настоящий гром грянул секундой позже. Дверь кабинета распахнулась, и внутрь влетел запыхавшийся юноша-подмастерье. В его дрожащих руках тускло мерцал угольно-черный кристалл.

— Господин! Мы зафиксировали аномалию во владениях Хардена, — выпалил он, едва переводя дух. — Всплеск мегистов такой плотности, что приборы едва не вышли из строя. Я никогда не видел ничего подобного... это не просто магия, это фундаментальное искажение.

Юноша сглотнул, глядя на Карзена округлившимися от ужаса глазами.

— И что самое скверное, господин... источник движется. Он идет по тракту, прямо к столице.

Карзен задумчиво потер подбородок. В кабинете повисла тяжелая, душная тишина.

— Движется, значит... — пробормотал он. — В свя-

щенных писаниях Люгерии есть упоминания о подобных «всплесках». Тысячу лет назад небо окрасилось в багрянец, и в одну ночь пали величайшие маги эпохи. Мы называли это Гневом Небожителей.

Он резко выпрямился, и в его взгляде блеснула сталь.

— Я свяжусь с королем. Харден сейчас слаб, их SSS-отряд пропал в пустошах, так что король не посмеет отказать мне в разрешении на расследование. Времени на церемонии нет. Собери лучших из «Золотого Круга» и выдвигайся немедленно. Мы должны перехватить эту тварь до того, как она войдет в городские ворота.

— Будет сделано, господин!

Юноша исчез за дверью, оставив Карзена наедине с черным кристаллом, который пульсировал всё сильнее, словно чувствуя приближение своего истинного создателя.

***

Поле, затянутое пеленой свинцовых облаков, казалось мертвым. Черная, липкая почва выдыхала густой туман, который тяжелыми волнами катился по земле, скрывая горизонт. В самом сердце этого безрадостного ничто стояла Она.

Её длинные алые волосы полыхали на фоне серого неба, словно живое пламя. В небесно-голубых глазах, прорезанных вытянутым багровым зрачком, мерцала бездна, способная поглотить целые миры. Она была воплощением совершенства, пугающим и необъятным.

Тишину разорвал ритмичный топот. Из тумана, подобно стае стервятников, вышла армия — пятьсот магов высшего круга из королевства Растиз. В темных мантиях, расшитых золотыми рунами, с лицами, на которых фанатичная решимость мешалась с неприкрытой жаждой власти. Они пришли за трофеем.

— Итак, — голос Существа прозвучал чисто и мелодично, но в его глубине слышался рокот лавины. — Что же вам нужно, мои дорогие букашки?

— Мы прибыли из Растиза, чтобы забрать то, что принадлежит нам по праву силы, — лидер магов, седой старик с безумным взглядом, шагнул вперед. — Мы чуем твой источник, «оборотень». Твой облик ребенка не введет нас в заблуждение. Отдай нам свою силу, и, возможно, мы сохраним твой разум для исследований.

— Захватить... меня? — Существо склонило голову на-

бок, и в этом жесте было нечто птичье, неестественное. — Рискните. Но предупреждаю: мне не хочется тратить на вас вечность. Вы падете быстрее, чем успеете осознать свою ошибку.

— Ого, чудовище еще и умеет изъясняться! — старик осклабился, и по рядам магов прошел глумливый смешок. — Представься, тварь! Яви свой истинный облик, прежде чем мы выжжем твою суть!

Воздух вокруг Существа мгновенно стал плотным, как гранит. Температура упала так резко, что туман превратился в ледяную крошку.

— Человечишка, — в его голосе больше не было насмешки, только бездонный холод. — Ты вздумал указывать мне? Тебя я низведу самым изощренным способом, какой только может измыслить твой разум.

— Нас пятьсот! — взревел маг, вскидывая посох, который вспыхнул ослепительным светом. — Сколько бы мегистов ни скрывалось в твоем теле, в одиночку тебе не выстоять против объединенной мощи Растиза!

Существо лишь тенью улыбнулось. Пятьсот песчинок возомнили, что могут остановить океан.

— Магов? Ах, точно... — Тиафис приложил палец к губам, словно пытаясь вспомнить значение этого примитивного слова. — Это ведь у вас нечто вроде секты. Очередная группа безумцев, возомнивших, что могут черпать искры из пламени, которого не понимают.

Он сделал изящный шаг вперед, и под его стопой почерневшая трава мгновенно рассыпалась в серый прах.

— Так уж и быть, я представлюсь. Запомните это имя, пусть оно станет нестираемым отпечатком на ваших душах, который вы унесете в небытие. Я — Тиафис. Само воплощение Истинного Времени. Второй бог этого никчемного мира, который вы по ошибке считаете своим. Вам стоило трижды подумать, прежде чем пересекать мне путь.

Он обвел взглядом застывшее войско.

— Вы уже мертвы. Но я дам вам ровно одну минуту. Потратьте её на то, чтобы вознести молитвы вашим вымышленным богам. Возможно, воображаемое утешение поможет вам не сойти с ума в последние секунды.

— Какая самоуверенность! — предводитель магов Растиза осклабился, сжимая посох до белизны в костяшках. Жаж-

да заполучить такую силу застилала ему разум. — Представь, сколько открытий мы совершим, препарируя тебя! А теперь следуй за на...

Он не успел договорить. Воздух вокруг него не просто вздрогнул — он вывернулся наизнанку.

В ту же секунду тело мага разорвало на фрагменты, но смерть не наступила. Его плоть, кости и кровь, ставшая похожей на острые алые кристаллы, начали срастаться в причудливую, кошмарную форму. Секунда — и посреди поля выросло корявое «дерево» из живой, пульсирующей материи. Голова старика оказалась вплетена в вершину этого кровавого ствола; его глаза бешено вращались, а рот застыл в безмолвном крике. Тиафис позаботился о том, чтобы его сознание оставалось кристально чистым, а боль — абсолютной.

— Я всегда исполняю обещания, — Тиафис равнодушно коснулся одного из «листьев» — застывшего осколка ребра. — Повиси здесь и подумай о своих ошибках. А я пока разберусь с остальными твоими друзьями.

Пятьсот голосов слились в единый, оглушительный хор, от которого содрогнулись сами небеса. Маги Растиза, подстегиваемые адреналином и первобытным страхом, выплескивали всё свое могущество. Воздух между ними и Тиафи-

сом превратился в бушующий океан энергии: искры света сталкивались с клочьями тьмы, образуя колоссальный вихрь, способный стирать города с лица земли.

Они направили этот шквал на хрупкую фигуру в центре поля, надеясь выжечь её суть и подчинить остатки магического источника. Но к их нарастающему ужасу, реальность вокруг существа даже не дрогнула.

Заклинания — сложнейшие плетения высшего порядка — просто бессильно отскакивали от невидимого барьера, окружавшего Тиафиса. Словно капли дождя о гранитную скалу, их магия рассыпалась на бесполезные искры. Каждый маг на поле боя почувствовал, как его жизненная сила утекает в пустоту; чем яростнее они атаковали, тем быстрее истощались их собственные резервы.

Тиафис лишь слегка улыбнулся. В этот миг его глаза вспыхнули нестерпимым небесным светом, затмевающим солнце. Он медленно поднял одну руку, и мир вокруг него на мгновение замер, лишившись всех звуков.

Затем последовал удар.

Волна чистой, первородной энергии разошлась от него во все стороны, подобно кругам на воде. Пятьсот магов, гор-

дость Растиза, были отброшены назад, словно осенние листья. Они падали в черную грязь, ломая посохи и захлебываясь собственным бессилием. Величественные мантии рвались, руны гасли, а в умах бился лишь один вопрос: как можно сражаться с тем, что не поддается человеческой воле?

Среди наступившего хаоса и стонов Тиафис оставался неподвижным. Спокойный, величественный и бесконечно далекий от их суеты. Он знал свое предназначение, и эти люди были в нем лишь случайной помехой, которую он только что устранил, едва заметив.

Мрак на поле сгустился до предела. Ветер, взвывший над телами поверженных, принес с собой не просто холод, а шепот древних, давно забытых истин. Тиафис сделал шаг вперед, и его голос зазвучал как погребальная мелодия, проникающая под кожу:

— Вы пришли, чтобы сковать меня? Какая ироничная гордыня. Вы не способны осознать простую истину: я не принадлежу этому миру. Я не принадлежу ни одному из миров. Я — величие, за гранью вашего понимания. Я — воплощение тишины, что зовется смертью. Я — колыбель первозданного хаоса!

С каждым словом от него расходились волны абсолютно-

го холода. Пространство вокруг Тиафиса пропиталось таким густым отчаянием, что выжившим магам стало трудно дышать — сам воздух превратился в яд. Они осознали: перед ними не враг, не монстр и не демон. Это была Сила, для которой не существовало оков, законов или пределов.

Затем начался финал.

Один за другим маги Растиза стали лопаться изнутри. Это не было физическим взрывом — их суть, их мана, их само существование просто не выдерживали присутствия Тиафиса. Словно перегретые сосуды, они разлетались кровавыми брызгами, пока от пятисот гордых мужей не осталось лишь пятеро.

Эти пятеро, лишившись рассудка от ужаса, рухнули в грязь. Они рыдали, размазывая кровь товарищей по лицам, и молили о пощаде, не смея даже пошевелиться. Тиафис медленно подошёл к одному из них. Он склонился, и в его глазах, лишенных искры сочувствия, отразилось всё ничтожество его угасающей жизни. Он смотрел на него с таким глубоким отвращением, с каким смотрят на плесень, посмевшую запятнать чистый мрамор.

— И это — «могущественные» маги? — Тиафис издал короткий, сухой смешок. — Вы даже в самых смелых фан-

тазиях не способны представить, что на самом деле означает придуманное вами слово «могущество».

Он небрежно повел рукой, словно смахивая невидимую пыль. Голова мага, стоявшего перед ним, мгновенно превратилась в кровавую взвесь. Безглавое тело еще секунду сохраняло равновесие, прежде чем тяжело рухнуть в грязь. Но страшнее было другое: по направлению его жеста сама земля с оглушительным стоном разошлась, образовав колоссальную трещину — бездонный шрам глубиной в пятьдесят метров, протянувшийся до самого горизонта.

Оставшиеся четверо застыли. Аура Тиафиса теперь не просто пугала — она имела физический вес. Она сдавливала легкие, мешала сердцу качать кровь, превращая каждое слово в невозможный подвиг.

— Вы безнадежны, — Тиафис окинул их взглядом, в котором сквозило почти человеческое утомление. — Мне даже немного стыдно, что я принимал участие в вашем создании. Пятьдесят тысяч лет я оттачивал вашу нервную систему, добиваясь идеальной проводимости импульсов. Три миллиона лет мы с Кроналем потратили на архитектуру ваших душ. И девять миллиардов лет... ровно девять миллиардов лет мы бились над тем, что вы называете «сознанием», надеясь на искру истинного разума.

Он замолчал, и тишина на поле стала абсолютной.

— Ни один из вас не оправдал наших ожиданий. Да, по сравнению с другими провальными экспериментами в иных мирах вы кажетесь удачными. Но в масштабах вечности... вы — полное разочарование.

Едва последнее слово сорвалось с его губ, надежды выживших превратились в пепел. Их тела мгновенно утратили форму, превратившись в неузнаваемое багровое месиво. Но Тиафис был милосерден в своей жестокости: как и их командир, они останутся в полном сознании еще восемь часов. Восемь часов абсолютной, кристально чистой боли, чтобы они успели осознать свое ничтожество.

— Королевство Растиз, значит... — Тиафис посмотрел вдаль, туда, где за лесами скрывались границы людских земель. — Это ведь они выследили моего дорогого братца. Пожалуй, стоит отправить пару обращенных присмотреть за ними.

С этими словами фигура Тиафиса подернулась дымкой и бесследно растворилась в воздухе, оставив после себя лишь тишину и поле, усеянное кричащей плотью.

***

Харден умирал в агонии. Языки багрового пламени лизали безлунное небо, превращая ночь в кровавый рассвет. Улицы столицы оглашались грохотом взрывов и предсмертными хрипами: стража гибла, даже не успев обнажить мечи. Единственное, что они видели перед тем, как их головы слетали с плеч — призрачный росчерк тени, скользящей в дыму.

Порабощенные зверолюди, почуяв запах гари и долгожданной свободы, бросились прочь из своих застенков. Но когда до ворот оставалось всего несколько шагов, путь им преградил человек.

Он стоял неподвижно, облаченный в темно-синюю мантию с тяжелым золотым шитьем. На его правой руке тускло мерцал серебряный перстень с массивным черным кристаллом — символом власти и контроля.

— Бежать вздумали, отребье? — голос незнакомца был сухим и безжизненным.

Он коротко бросил формулу заклинания. В ту же секунду рабские ошейники на шеях зверолюдов вспыхнули карающим светом. Десятки несчастных рухнули в грязь, заходясь в конвульсиях. Самые сильные, переламывая волю и дикую

боль, поднялись. Сжимая в руках трофейные мечи, они с яростным рыком бросились на мага.

Тот даже не шевельнулся. Пара небрежных жестов — и восставшие замерли, чтобы через мгновение осесть на мостовую бездыханными телами.

— Лежите смирно, я не хочу портить ценный товар, — он небрежно усмехнулся, глядя на корчащихся рабов. — Вы так жалки, что это вызывает лишь тошноту.

Маг подошел к ближайшему зверолюду и с силой вдавил его голову в камни подошвой сапога.

— Жалкий мусор. Вы годны только для продажи, да и то — товар такой паршивый, что покупателя днем с огнем не сыщешь. Ладно, довольно игр. Пора вернуть собственность в стойла.

Он влил каплю маны в кольцо, и агония от ошейников чуть утихла, сменившись тупой, изнуряющей болью.

— Поднимайтесь и назад, — скомандовал он, обводя их пренебрежительным взглядом. — И не ждите спасителя. На вас всем наплевать: и богам, и людям. Вы — пустое место. Грязь на сапогах истории.

— Тут ты ошибаешься... — голос возник из самого воздуха, холодный и острый, как ледяной клинок. — Единственный мусор здесь — это ты.

— Покажись, ничтожество! — маг взревел, лихорадочно оглядываясь.

Он рванул к себе маленькую девочку-зверолюда и прижал кинжал к её горлу, используя ребенка как щит. Но тень оказалась быстрее мысли. Смазанное движение, свист рассекаемого воздуха — и рука мага, всё еще сжимающая нож, отлетела в сторону. Прежде чем первая капля крови коснулась земли, Рина уже стояла в десяти шагах, прижимая спасенную девочку к себе.

— А-а-а... так это ты! — неизвестный взвыл от боли.

Он сорвал с себя дорогую мантию, наспех перетягивая обрубок руки, чтобы остановить фонтан крови. Его лицо исказилось в злобной ухмылке.

— Сама «святоша», Рина Рекано! Великая защитница, а на деле — просто эльфийское отродье. Впрочем, даже для своих ты изгой, не так ли? Жалкая, грязная полукровка!

— Беги к остальным! — Рина проигнорировала оскорбление, мягко подтолкнув ребенка. — Скажи им уходить, как только я подам знак. Живо!

Она скинула капюшон. На плечи рассыпались длинные, кристально-белые локоны — точь-в-точь как у сестры. Но её глаза, горевшие яростным алым пламенем, обещали только смерть.

— Я уж было заволновался, — маг оскалился, игнорируя бледность своего лица. — Но ты лишь бледная тень своей покойной сестрицы. Такой слабачке не тягаться со мной. Ну что, полукровка? Готова отправиться вслед за Ланорой?

— Кто... кто тебе о ней поведал?! — Рина выделила каждое слово, и воздух вокруг неё задрожал от колоссального выброса маны. Земля под её ногами пошла трещинами.

— Мне ли не знать? — демон внутри человека расхохотался. — Я слишком хорошо помню её разрушительный потенциал. В прошлый раз я проиграл ей, но сегодня я отыграюсь на её любимой сестренке.

— Что ты сделал с Кагором?! — крикнула Рина, чувствуя, как сердце сжимается от дурного предчувствия.

— С этим мальчишкой? С твоим драгоценным учеником? — маг облизнул губы. — Я уничтожил его душу. Теперь его тело — моя любимая игрушка.

— Тварь... Я выжгу тебя дотла!

Рина в мгновение ока сократила дистанцию. Её меч уже летел к горлу врага, но из-под камней мостовой внезапно вырвались черные щупальца теневой энергии. Они стальными путами оплели её руки и ноги, сковывая движения. Демон сделал шаг назад, и его отрубленная рука, повинуясь черной магии, неестественно притянулась обратно к плечу, прирастая на глазах.

— Тебе не одолеть меня, полукровка! — его голос теперь звучал из самой бездны. — Сегодня Харден станет твоей могилой.

— Пф-ф... — Рина презрительно сощурилась, и её голос прорезал гул пожаров. — Ты используешь вербальные заклинания, демон. Это значит лишь одно: сосуд сопротивляется тебе. Тело Кагора отвергает твою волю, не давая использовать магию высшего круга. Твой запас мегистов ничтожен — ты не владыка, ты лишь жалкий паразит, низший бес в чужой коже!

Одним резким рывком Рина вспыхнула чистым светом, разрывая теневые щупальца, словно гнилые нитки. Смазанная вспышка — и она оказалась за спиной врага. Её клинок, окутанный яростным белым пламенем, пропел в воздухе, начисто снося голову демоническому отродью.

— Сейчас! — выкрикнула она, не оборачиваясь. — Быстрее к выходу!

В ту же секунду рабские ошейники зверолюдов рассыпались искрами. Почувствовав долгожданную легкость, толпа рванулась к воротам. Рина же, не теряя ни мгновения, вонзила меч в землю, воздвигая вокруг себя и обезглавленного тела непроницаемый сияющий купол.

— Мой... товар... — донесся глухой клокочущий звук.

Из обрубка шеи вырвалось черное пульсирующее щупальце, подцепило голову с мостовой и с хрустом вогнало её обратно на место.

— Они тебе не товар! — отрезала Рина. — Мой барьер отсек тебя от источников силы извне. Ты в ловушке, тварь. Ты проиграл.

— Думаешь, эта клетка меня удержит? — лицо Кагора ис-

казилось, глаза закатились, обнажая тьму. — Ошибаешься! Мне плевать на сосуд. Убить такую занозу, как ты, важнее, чем подчинить этого дряхлого короля!

Внезапно плоть юноши начала плавиться, превращаясь в густую, темно-фиолетовую массу. Кости ломались, кожа лопалась, выпуская наружу каскад извивающихся щупалец. Тень поглотила человеческий облик, являя миру истинное уродство бездны.

— Какое унижение я пережил, когда твоя сестра растоптала меня! — взревело существо голосом, от которого задрожал магический барьер. — Это не повторится! Я уничтожу тебя, эльфийское отродье! Прискорбно, что я не выполню приказ... но я захвачу это королевство сам. Я возведу алтарь на костях Хардена и преподнесу его моей Госпоже!

— Он использовал сосуд как подношение... — Рина тяжело дышала, чувствуя, как воздух вокруг демона становится густым и маслянистым от избытка темной маны. — Теперь он не скован плотью. Он может черпать из бездны столько, сколько пожелает. Боюсь, моих сил на этот раз может не хватить...

Она не успела договорить: десятки фиолетовых щупалец со свистом рассекли воздух, метя ей в горло. Рина в отчаян-

ном прыжке уклонилась, одновременно выбрасывая вперед ладонь. Дюжина сфер ослепительного святого света сорвалась с её пальцев, вонзаясь в массу демонической плоти, пока сама эльфийка с помощью телепортации скользнула ему за спину.

Пришло время для последнего аргумента. Рина закрыла глаза, погружаясь в ледяной поток магических вычислений. Она направила ровно половину своего резерва в одно-единственное плетение, ожидая, пока магическая формула завершит цикл расчетов.

Прогремел взрыв.

Ослепительная вспышка поглотила четверть Хардена, превращая дома и мостовые в серую пыль. Когда дым рассеялся, на месте битвы зияла воронка чудовищных размеров. Рину отбросило на сотню метров; она врезалась в уцелевшую стену, чувствуя, как ломаются ребра. Половина тела демона была распылена на частицы, но на глазах у эльфийки фиолетовая плоть начала стягиваться обратно, восстанавливаясь с пугающей скоростью.

— Ха-ха-ха! Жалкая полукровка! Вот и настал твой конец! — голос чудовища теперь доносился отовсюду.

Оно стояло в центре кратера, окруженное сотнями сфер чистой тьмы. По всему полю боя реальность пошла трещинами, из которых начали медленно вылазить духи и прочая нежить, привлеченная запахом крови и хаоса.

Рина рывком поднялась, из последних сил уклоняясь от града темных сфер, которые выбивали каменную крошку у её ног. Перехватив клинок и напитав его остатками святого элемента, она бросилась на зомби, прорубая себе путь сквозь гнилую плоть.

Она двигалась как в тумане, рубя мертвецов и чудом избегая смертоносных ударов демона. Когда толпа нежити поредела вдвое, беловласая эльфийка сделала последний бросок. Она с силой метнула клинок, пронзая одно из щупалец врага, и тут же упала на колени. Вокруг неё сомкнулся ослепительный святой барьер.

За этой сияющей стеной она начала свой финальный отсчет. Все остатки маны, вся её жизнь теперь были вложены в одно заклинание. Рина замерла, ожидая завершения расчетов, которые должны были либо спасти Харден, либо стать её эпитафией.

Солнечный луч колоссальной мощи, выжигая саму тьму, стер орды нежити с лица земли. Рина вложила в этот удар всё

— до последней капли своей сути. Поток энергии устремился к главному врагу, неся погибель, но демон, уже превращенный в полуживое месиво, успел нанести ответный удар. Его щупальца, подобно черным копьям, прошили святой барьер и пригвоздили тело Рины к растерзанной почве.

— Еще бы секунда, и ты, возможно, победила бы... — демон выплюнул эти слова вместе с кусками фиолетовой плоти. — Но ты слаба. Жалкое подобие своей сестры. Такой же мусор, как и те рабы, которых ты пыталась спасти.

Он с хрустом вырвал щупальца из её тела. Рина упала в грязь, чувствуя, как жизнь утекает сквозь пальцы. Демон медленно трансформировался, принимая гуманоидную форму — комок переплетенных мышц и щупалец, возвышающийся над поверженной эльфийкой.

— В чем был смысл? — он склонился над ней, и его голос вибрировал от ненависти. — Устроила бунт, дала надежду ничтожествам... Дай-ка угадаю: ты искала Семя? Неужели ты и есть та самая тварь, что рушила наши планы последние пятьсот лет? Сколько моих братьев полегло от твоих рук...

Он наступил ей на грудь, заставляя Рину захлебнуться кровью.

— Мерзкая полукровка! После всего содеянного ты смеешь называть нас злом? Мы лишь хотим процветания своего мира! Да, наши методы не вписываются в вашу жалкую мораль, но ваши «устои» оскверняют саму нашу природу! Люди, эльфы... Вы единственная зараза, не дающая нам получить желаемое!

Его глаза вспыхнули ядовитым фиолетовым светом.

— Всё, что нам нужно — это тот проклятый Камень, который вы, лицемерные святоши, запрятали в недрах этого мира. Как же я тебя ненавижу... За каждого своего сородича я взыщу с тебя сполна. Моя месть выйдет за любые пределы дозволенного.

— Наверное, тебя это удивит, но даже у нас есть свой кодекс чести, — прошипел демон, склоняясь над Риной.

Её грудная клетка ходила ходуном, каждый вдох давался с булькающим хрипом. Демон медленно вытянул клинок, выкованный из темного, пульсирующего материала, который казался живым. Он поднес лезвие к самому лицу эльфийки, наслаждаясь отражением ужаса в её зрачках.

— Знаешь, что это? Вижу по глазам — знаешь. Этот дар вручается только высшим демонам. Нам запрещено обна-

жать его без веской причины, но ради тебя... ради тебя я нарушу все запреты. Это единственное оружие, способное рассечь плоть ангела или дух демона. А знаешь, что оно делает со смертными? Оно стирает их душу. Без следа. Без права на перерождение.

— Ха... — Рина выдавила из себя окровавленную усмешку, хотя легкие жгло огнем. — И почему же... оно у тебя? Тоже мне... «высший».

— Черт задери твой язык! — взревел он, и его глаза налились багровой яростью. — Даже на грани смерти ты невыносима!

Он замахнулся, вкладывая в удар всю свою ненависть. Лезвие было в сантиметре от горла Рины, когда время для демона словно загустело. Он замер, уловив за спиной звук — спокойные, размеренные шаги по битому камню.

Резко обернувшись, демон застыл. К ним, сквозь дым и пламя Хардена, шла невысокая девочка в темной мантии. Её красные волосы мягко колыхались, а небесно-голубые глаза с вертикальным зрачком смотрели сквозь него, как сквозь пустое место. Ужасающая, монументальная аура, исходившая от неё, не оставляла места для раздумий.

Ведомый чистым инстинктом самосохранения, демон бросился в атаку. Он вложил всю мощь своего прыжка в один выпад и вогнал «святотатственный» кинжал точно в сердце незваной гостьи.

Девочка остановилась.

Она посмотрела на него пустым, лишенным эмоций взглядом, в котором не было ни боли, ни удивления. Лишь бесконечная пустая скука. Демон в ужасе отпрянул, споткнулся и рухнул на землю, не в силах отвести глаз от того, что произошло дальше.

Тиафис просто взялся за рукоять кинжала и без усилий вытащил его из своей груди, небрежно отбросив артефакт в сторону, словно пустышку. Рана на его теле затянулась в то же мгновение, а порванная ткань мантии срослась, не оставив даже следа от удара. Она продолжила свой путь, словно эта атака была не более чем назойливым касанием мухи.

— Э-это невозможно... — голос демона сорвался на хриплый скулеж. — Эти глаза... Только не ты! О нет, что я натворил?!

Первобытный ужас, копившийся в его сознании сотни лет, выплеснулся наружу. Он рухнул ниц, скребя когтями обром-

ки мостовой.

— Молю... простите мою грубость! — запричитал он, не смея поднять взгляд. — Позвольте донести до вас волю моей Госпожи! Нокхаал... она искала вас! Она жаждет союза, она...

Тиафис не стал слушать. Он даже не изменился в лице. Короткий, почти ленивый жест рукой — и тело демона разлетелось на мириады мельчайших фрагментов. На этот раз никакой регенерации не последовало: каждая частица его сути была стерта из ткани реальности.

Она подошла к Рине. Эльфийка лежала в луже собственной крови, её взгляд мутился, а дыхание превратилось в едва слышный свист.

— Ты хочешь жить? — голос Тиафиса прозвучал как шелест опавшей листвы — тихий, холодный и абсолютно безразличный.

Рина не могла ответить — горло заливала теплая, соленая медь. Собрав остатки воли, на грани окончательного провала в бездну, она едва заметно шевельнула губами:

— Да...

Услышав это, Тиафис медленно поднял руку. На его запястье сам собой вскрылся тонкий, идеальный разрез. Из него упала единственная капля крови — черная, как смоль, густая и пульсирующая запредельной энергией. Она упала точно в рот Рины.

Рана на руке Тиафиса затянулась мгновенно, но для Рины ад только начинался. Тело эльфийки выгнулось дугой; каждая клетка, каждая жила вспыхнула невыносимым, яростным жаром. Раны на её груди и животе стали зарастать на глазах, плоть срасталась с пугающей скоростью, а зрачки в алых глазах вытянулись, становясь вертикальными — точь-в-точь как у её спасительницы. От запредельной боли Рина лишилась чувств.

Тиафис равнодушно отвернулся от неё, глядя на кровавое месиво, оставшееся от демона. Он вытянул ладонь.

— Еще рано для тишины, — пробормотал он.

Плоть демона на земле задрожала. Вспять законам природы, куски мяса и брызги крови начали стягиваться воедино, словно время решило отмотать пленку назад. Спустя мгновение на земле снова лежал Кагор — живой, целый, но с душой, растерзанной осознанием того, кто именно стоит перед

ним.

— Со-юз?.. Что произошло? — Демон ошарашенно хлопал глазами, глядя на Тиафиса. Его разум, только что собранный из небытия, отказывался воспринимать реальность.

— Поднять, — Тиафис кивнул на бессознательное тело Рины.

В этом коротком слове было столько веса, что демон подчинился мгновенно, даже не успев осознать приказ. Он бережно подхватил эльфийку, чувствуя, как от её кожи исходит странный, пугающий жар «черной крови».

— Моя Госпожа... она так долго искала встречи с вами. Я могу отвести вас в её владения, мы могли бы... — демон осекся на полуслове.

Тиафис медленно повернула голову. Её пронзительный взгляд небесных глаз впился в него, и в ту же секунду демон почувствовал, как его сознание — всё, что он копил тысячи лет, — превращается в ничто. Личность, память, воля — всё это было стерто одним импульсом божественного раздражения.

— Много болтаешь, — безразлично уронил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.